

А. А. Кирюшкина

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Республика Беларусь г. Гомель

ОФОРМЛЕНИЕ АРТИКЛЕМ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО ВО ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ

Вопрос грамматического оформления имени при передаче внутренней речи представляет особый интерес в связи с тем, что здесь мы сталкиваемся с отступлениями от традиционных правил детерминации, например, отсутствием артикля при сохранении существительными значения предметности.

Проблема отсутствия артикля или использования его нулевого варианта – одна из самых сложных во французской грамматике. Опускание детерминатива обычно связывается либо с пережиточными явлениями языка (архаизмами, пословицами, поговорками), либо с утратой существительным значения предметности и его переходом в другую часть речи, либо со стилистическими причинами [4, с. 90].

Проблема внутренней или «мысленной» речи тесно связана с мышлением как высшей ступенью человеческого познания, поскольку она возникает там, где устанавливается отношение между субъектом и объектом (как в процессе познания, так и самопознания). Внутреннюю речь, согласно А. Н. Соколову, мы находим почти во всех формах и процессах мышления, во всех сознательных восприятиях, действиях и переживаниях в виде вербальной интерпретации ощущений и восприятий [5, с. 149].

Специфика внутренней речи заключается в том, что она не представляет собой сообщения и не привязана к адресату [1, с. 364]. Отметим, однако, что некоторым видам внутренней речи характерен «перенос прагматических ситуаций в психологический мир человека» [1, с. 367]. В этом случае внутренняя речь обращена к реальным лицам, входящим в круг общения субъекта, но присутствующим в момент речи лишь в сознании. В роли адресата может выступать и высшая сила (просьбы, молитвы, исповеди, обеты) и сам субъект (самоуговоры, самооценки, обещания самому себе). Однако привязанность к фиктивному адресату, равно как и самоадресованность не дают основания сравнивать интериоризованные речевые акты с коммуникативными, так как субъект мыслей знает, что фиктивный адресат его не услышит, а высшая сила (всезнающий Бог) не нуждается ни в пояснении чего-либо, ни в оценке [4, с. 101]. Самому же себе ничего нового сообщить невозможно. В психологии существует такое понятие как «общность апперцепции», которая создается психологической близостью собеседников. Так вот эта общность апперцепции во внутренней речи является «полной, всецелой и абсолютной» [3, с. 306].

Осуществляясь, по определению Виноградова, «в индивидуально замкнутом и не рассчитанном на постороннее понимание психологическом контексте единой личности» [2, с. 182], внутренняя речь не предназначена для чужих ушей, это «речь для себя»: общение в данном случае происходит с самим собой [3, с. 366].

Прохождение внутренней речи в некоммуникативных условиях исключает воздействие на адресата. Внутренняя речь характеризуется набором иных целей и имеет свою прагматику, подчиняясь особым иллокутивным силам – программированию внешних действий, осознанию происходящего, компенсации уроков [1, с. 364].

Кроме того, как утверждают психологи, внутренняя речь неоднородна по своему составу: различие психо-физиологических состояний индивида обеспечивает разнообразие ее проявлений. Внутренняя речь может быть представлена как неполнооформленными, фрагментарными логико-синтаксическими структурами, так и формами с развернутым строем предложения. Последние передают цепь долгих раздумий, последовательных рассуждений, логических умозаключений, т.е. мыслительных действий, развитие которых не связано с экстремальными психическими ситуациями. В подобных случаях автор самоустраняется, уступая место внутреннему монологу субъекта. При этом оформление имени артиклем не расходится с нормами синтаксиса: существительное сопровождается определенным артиклем в идентифицирующей функции и неопределенным артиклем в выделительной функции. Этот факт объясняется тем, что форма

развернутой внутренней речи приближается по своему строению к внешней, исходя из чего логично сделать вывод о действии в них единых законов использования детерминации [4, с. 108].

Наряду с внутренней речью в виде развернутого внутреннего проговаривания существует и редуцированная форма внутренней речи. В этом случае мысль еще не отождествляется со словом, при отражении действительности фиксируется «момент сцепления мысли и слова, единство, но не тождество» [4, с. 109]. Отображение предметного ряда в сознании происходит при этом не в виде слов, а в виде трудноуловимых намеков на них. В результате образуется «очень сокращенная речевая схема, элементы которой, являясь носителями обобщенного смысла, становятся, по определению Соколова А. Н. как бы «квантами» – сгущенными частичками языка мышления [5, с. 100].

Реализуя конденсацию нескольких смысловых групп, «кванты» олицетворяют сгустки смыслов, которые складываются из оттенков, нюансов и значений контекста, чувств и переживаний человека, понятий, приобретенных в прошлом опыте и т.д. Наслоение смыслов с включением в них различных субъективных моментов приводит к созданию новых значений, благодаря которым внутренняя речь способна выразить мысли и ощущения и даже целые глубокие рассуждения одним лишь названием [4, с. 111].

Вышесказанное означает, что исследование комплексов, передающих внутреннюю речь, требует переориентировки на исследование психофизиологических особенностей мысленной речи, с учетом способов ее передачи на письме.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 895 с.
2. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 2005. 240 с.
3. Выготский Л. С. Вопросы теории и истории психологии. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР. 1982. 488 с.
4. Молош Н. К. Прагматическая детерминация имени в единицах малого синтаксика (парцеллятах и присоединениях) современного французского языка: Дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Минск: МГЛУ, 2004. 138 с.
5. Соколов А. Н. Внутренняя речь и мышление: Дисс. на соискание ученой степени доктора педагогических наук (по психологии) Москва: науч.-исслед. ин-т психологии, 1967. 236 с.